Глава 77: Характер

В воздухе Наньньяна витало беспокойство. Чэнь Жун поднял занавеску, увидев улицы такими же пустынными, какими они были в предыдущей жизни А Жунь. Магазины и лавки были в большинстве совершенно пусты, так как многие из них закрылись. Редкие прохожие стремились преодолеть свой путь как можно быстрее, срываясь на бег.

Пока он был погружен в раздумья, к нему приблизилось тепло. Чэнь Саньлан направил свой экипаж ближе к нему. Наблюдая за Чэнь Жуном, находившимся на расстоянии вытянутой руки, он от души рассмеялся:

— Что ты высматриваешь там, меймей?— Затем он наклонился и понюхал, ухмыляясь: — Ты пахнешь очень приятно. Кто сделал твое саше?

Чэнь Жун тихо отодвинулся и скромно опустил взгляд. Кузен немного раздражал своим «меймей», подчеркивая его предназначение как младшего мужа. Сам еще непонятного статуса а туда же. Ты сначала экзамен сдай!

— Ты дразнишь меня, кузен.

Он отступил на другую сторону коляски.

Увидев, как тот удаляется от него, Чэнь Саньлан вздохнул и сказал:

— Процветание может исчезнуть в мгновение ока. Как цветы весной, женщины и юноши самые красивые в течение нескольких дней. Никто не знает, что ждет нас завтра в этом беспокойном мире. Почему же тогда мы не получаем удовольствие здесь и сейчас? Ты тоже так считаешь, меймей?

Он бросил на Чэнь Жуна нежный взгляд.

Трепещущая занавеска открыла спокойное лицо Чэнь Жуна. Он нежно улыбнулся и ответил:

— Это естественно, что цветы цветут и умирают. Тем не менее, есть несколько глупых цветов, которые когда-нибудь расцветут только для кого-то одного.

Неприятие.

Чэнь Саньлан перестал улыбаться, когда говорил:

— Кого-то одного? Ты все еще надеешься стать мужем Цилана?— В его голосе прозвучало удивление.

Чэнь Жун покорно склонил голову. Не дав ему ответа, он лишь медленно опустил занавес. Его движения были замедленными, с оттенком одиночества, которое, казалось, отпечаталось в его костях.

Чэнь Саньлан немигающим взором уставился на закрытую занавеску.

— Ван Цилан — счастливчик,— неожиданно высказался он.

Чэнь Жун оставался молчаливым. В этих окрестностях Наньньяна лесистые холмы резко вздымались обрывистыми склонами из травянистой степи, омываемые ручьями. Их склоны были круты и каменисты, даже обрывисты, их вершины поросли лесом, лианы свешивались с вершин, словно плети цветов из кашпо. Весной тут, вероятно, необыкновенно красиво.

По ухабистому пути вскоре они достигли озёра на восточной стороне Наньньяна. В окрестнотях города было много подобных озер, чьи воды питали реки, и где в мирное время горожане с удовольствием отдыхали. На берегах их стояли небольшие павильоны для отдыха и медитаций, лодочные сараи и сейчас закрытые - купальни.

Дюжина маленьких лодок усеивала озеро. Под зимним солнцем волны расходились кольцами.

С одной из лодок доносились звуки цитры. Они были прозрачными и эфирными, как будто спустилась с небес.

В этот момент подошедший молодой человек поднял занавесь кареты и спросил:

— Вы А Жун из дома Чэнь?

— Да.

— Хорошо, очень хорошо.

Парень засмеялся и махнул правой рукой.

Вууш. Пять экипажей выстроились в ряд, чтобы преградить путь Чэнь Жуну, а самый большой полностью закрывал вид на озеро.

— Сыграй нам песню, А Жун из дома Чэнь, — сказал парень, обращаясь к нему, находящемуся в смущении. — Если понравится, сможешь пройти. Если нет, то я, сожалею, но ты не сможешь

увидеть своего Цилана сегодня.

У него хватило наглости попросить его об этом. Эдакий интеллектуальный выкуп за проезд.

Чэнь Жун не мог не рассмеяться.

Он приподнял занавеску, выглянув на экипажи, выстроившиеся в ряд.

— Очень хорошо, — сказал он с улыбкой.

Он потянулся к своей цитре, дернул струны и начал играть.

Его игра была очень похожа на него самого в том, что меняющиеся ноты были изысканны, а замысловатые пассажи, непривычны для этих традиций, но благозвучны. Попутно с музыкой плыла и магия. Завораживающая необузданная и сексуальная. Было в этом что-то очень неприличное и желанное одновременно.

Но вдруг мелодичная цитра остановилась.

Пока удивленный парень собирался открыть рот, Чэнь Жун хмыкнул и спросил:

— Вы же А Лань из дома Хуань? Говорят, что Хуань Цзюлань обладает отличной памятью. У меня нет таланта продолжать песню. Если это так, пожалуйста, продолжите то, что я играл. Все будет хорошо, если Ваше продолжение окажется удовлетворительным. Но если нет, то мне жаль, я буду сидеть здесь и никуда не пойду.

[Хуань Цзюлань = девятый сын клана Хуань.]- тут же влезла с пояснениями А Жунь. Как вроде это волновало А Жуна!

— Юный господин, Вы прекрасно знаете, что я плохо играю на цитре. Ладно, неважно.

Молодой мастер явно прибеднялся или нарывался на комплимент, но Женя не собирался с ним кокетничать. Тем не менее А Лань махнул рукой, и пять экипажей расступились.

Чэнь Жун и молодой человек оказались лицом к лицу.

— Я не знал, что Вы так невоспитанны, шиди Чэнь, — нахмурился он недовольно. Все же он явно нарывался на дифирамбы и не получив свою порцию восхвалений, был недоволен.

Чэнь Жун был несколько раздражен. Он пристально посмотрел на него и усмехнулся. А Лань был известен своим музыцированием и если он отказался поддержать его игру… то счел для

себя такое недостойным. Типа: «Кто ты, а кто - я…» исходя из этого, а вот фикус он получит хоть один комплимент!

— И я не знал, что Вы так болезненны, господин. - Несмотря на красивые черты лица, Хуань Цзюлань был бледен и хрупок, а под глазами у него имелись голубые круги. Наверняка он пару ночей уже не спал. Любопытно, по какой такой причине… впрочем, вопрос был бы нетактичен, и окружающим предлагалось думать, что из-за творческих мук…

А Лань замолчал, посмотрел на него и выпалил:

— Юный господин, в морщинках вашего лба есть что-то дикое. Я не могу увидеть в каком месте Вы подходите Ван Хуну.

Его голос едва достиг цели, когда Чэнь Жун поднял голову, прищурился и заявил:

—Я всего лишь сын наложницы из дочерней ветви. Мое положение скромно, мое поведение хуже, чем у всех остальных. Если я не вооружусь дикостью, то позволю другим топтать себя. Слабый молодой человек, который, подобно вам, придирается к чужим недостаткам, так же совсем непривлекателен!

В его тоне имелось что-то угрожающее, в отличие от других молодых людей этого возраста, к тому же хлесткий удар флера казалось, взметнул пряди волос аристократа, заставив его втянуть воздух разом побелевшими ноздрями. Но ему, кажется, это пришлось по нраву. Судя по немного поплывшему взгляду.

А вот Чэнь Саньлан оказался шокирован, слушая его тираду.

— А Жун, держи себя в руках!— выкрикнул он.— Ты должен знать, кто он. Он Цзюлань из поместья Хуань. Его положение несравнимо с положением их старшего сына! Не надо быть таким неуважительным!

[Он девятый сын в целом, но, старший, основанный на законности. Или возможно отсчет шел по всем внукам, если имена давал дед. И первыми родились кузены, а не прямой наследник. Традиции!] – пояснила А Жунь непонятную ситуацию. Все же Женя во всех местных тонкостях изрядно плавал и давно бы уже наломал дров без ее советов. Хотя большая часть его ляпов признаывалась очаровательными, поскольку он был омегой под покровительствовм Цилана.

Однако кузен зря вмешался в пикировку аристократов, да еще и прогнулся. А Лань тут же прищурил свои глаза, но пока промолчал. Саньлан нарушил один из невысказанных законов этого общества – свободу высказываний «без чинов» той свободы, которой ученые гордились больше, чем умением вести философские беседы. Это было зарождение будущей демократии. И нет больших фанатиков, чем неофиты. Наверняка глупый и неуместный прогиб кузена еще будет иметь последствия.

В это время до них донеслись волны смеха.

На воде показалось несколько лодок; их прибытие до сих пор оставалось незамеченным. Это были Юй Чжи и еще один молодой ученый, которые хлопали в ладоши и смеялись.

— Отлично, хорошо сказано, — сказал Юй Чжи, он был в хорошем настроении. — Я должен согласиться, что этот болезненный парень, любящий придираться к чужим недостаткам, действительно раздражает.

— О, в экипаже А Жуна висит кнут, — с улыбкой добавил второй. — Почему бы не снять и не отхлестать его? Хотя не переусердствуй. Если он умрет, поместье Хуань поднимет шум. А Жун, забей его до полусмерти и оставь в постели на полгода. Поверь, ему будет приятно… А мы все будем посещать его и возносить комплименты.

Смех пары слегка взволновал Чэнь Жуна. Он повернулся, чтобы посмотреть на них, и встретил легкую улыбку Ван Хуна. Покраснев, он отвернулся.

В это время Хуань Цзюлань погладил горло и криво улыбнулся Ван Хуну. Кажется, он даже не обиделся на подобные двусмысленные высказывания в свой адрес.

— От одного взгляда этого шиди меня прошиб холодный пот. Горло так болит, что, кажется, я сейчас умру.

— Разве это не отлично?! — весело вставил Юй Чжи, выходя из лодки и весьма фривольно приобнимая Цзюланя. — Когда мы видели тебя больным, то всегда говорили цветистые комплименты. Не часто столь милый мальчик может так напугать тебя. Какой приятный и многообещающий поворот событий.

Ван Хун улыбнулся громкому восклицанию Юй Чжи. В солнечном свете его глаза сверкали, как самые яркие и глубокие драгоценные камни.

— Знаешь, он уже обуздал свой темперамент.— Его нежный и мягкий голос звучал очень уверенно.

Чэнь Жун резко обернулся и посмотрел на Ван Хуна.

Хуан Цзюлань возразил, неоднократно переспрашивая:

— Ты все еще хочешь такого резкого спутника, Цилан?

Ван Цилан не успел ответить. Пожилой ученый, который нежно гладил свою цитру на корме лодки, медленно сложил руки и со вздохом сказал:

— Как и сказал шиди, его положение скромно, и его подача ниже, чем у всех остальных. Если он не вооружится свирепостью, его растопчут другие люди. Цилан, он такой же, как мы. У него тоже есть характер. Он может быть диким, но это можно укротить. И это весьма увлекательно, если знать в таком толк.

Он произнес эти шутливые слова легким тоном. И снова одновременно раздался взрыв смеха. Чэнь Жун покраснел, кажется БДСМ, как сексуальная практика, появился именно в Поднебесной… он скосил глаза на Хуань Цзюланя, тот стоял тоже румяный, и Юй Чжи лапал его весьма откровенно. Однако… кажется нравы тут еще те…

Затем старший ученый взглянул на Чэнь Саньланя, стоявшего слева от Чэнь Жуна, и с откровенной похотью наблюдающему происходящее, нахмурился, и, хлопнув длинными рукавами, спросил:

— Откуда пришёл этот нечестивый? Оставь нас. Не стой здесь и не порть нам настроение.

Он говорил довольно бесцеремонно. И явно это была реакция на столь похотливые бесцеремонные взгляды. Вот так в эти времена можно было испортить карьеру одним не вовремя брошенным неприличным взглядом.

Чэнь Саньлан не думал, что его отвергнут только одной строкой. Он не привык к такому. Но и в подобном обществе он еще не бывал. Да, с некоторыми из тут присутвовавших мужчин он пересекался на приемах… но они словно недосягаемая вершина для такого как он. Совсем другой круг. Он быстро отвел взгляд от милующейся парочки. Его бледное лицо на мгновение покраснело. Не зная, что сказать, он неохотно улыбнулся и поклонился старшему ученому, объясняя свое поведение:

— Ши-фу Се, не обращайте внимания на мою ошибку.

Ученый по имени Се даже не взглянул на того. У парня даже не хватило мозгов обыграть ситуацию, раз уж не смог похоть держать в узде. Тот же Чэнь жун сумел все повернуть к своей выгоде. Хотя право ему тут находиться даровало само небо, что там. Тут Цилан прав. Он провел пальцами по струнам, издавшим почти эротический стон.

Никто из людей находящихся здесь не взглянул на Чэнь Саньлана.

Тот натянуто повернулся к Чэнь Жуну.

В это момент Чэнь Жун склонился в поклоне и тихо сказал:

— Третий брат, иди вперед (возвращайся). Я благодарю тебя за сопровождение.

Видя, что тот тем самым спасает его лицо, как бы объяняя причину появления того в этом

месте без приглашения, Саньлан быстро ответил:

—Хорошо, я пойду вперёд.

Хуань Цзюлань вздохнул, когда он уходил.

— Вы, может и очаровательный мальчик, шиди, но, тем не менее, в конце концов обычный!- скривил он точеные губы.

— Как я могу освободиться от традиций, когда нахожусь в чужих владениях? — с лёгкостью ответил Чэнь Жун, даже не оглядываясь. — Пока я верен себе, какое мне дело до таких мелочей?

Его ответ прозвучал довольно резко. Хуан Цзюлань сделал паузу, а затем громко рассмеялся. Этот мальчик определенно был с характером на его вкус. Не исключено, что все же из него будет толк. Фанатик нарождающейся демократии был удовлетворен.

Чэнь Жун насторожился, прощупывая флером А Ланя. У него присутствовал дар, но настолько слабый… что едва был ощутим. Не исключено, что тот был даже омегой. Определить при таких слабых эманациях было невозможно. Однако уже это делало его кем-то высшим и принятым в особом кругу себе подобных.

Услышав его смех, Чэнь Жун почувствовал себя спокойнее, так как знал, что преодолел первое препятствие. Все, кто стоял перед ним, были выдающимися литераторами и имели ту или иную степень одаренности. Для них существовал только один тип личности, достойный уважения, и это был подлинный человек. Но уже не только просто человек, а еще и одаренный. Вот оно, рождение новой касты.

Всегда лучше быть настоящим лжецом, чем лицемером. За…дористая натура для омеги прекрасно вписывалась в новые нормы этого круга общения.

Женя задумался, если вокруг генерала собрались явно альфы-боевые маги демонического пути, то тут, похоже, начал складываться костяк будущего ордена хаоситов Лан'Я. Одного из самых известных в будущем Серых орденов. Может в нем найдется и для него местечко?

http://tl.rulate.ru/book/1285/36127